

А. И. ЭРТЕЛЬ О ТУРГЕНЕВЕ

Сообщение Г. М. Л и ф ш и ц а

Осень 1883 г. была для А. И. Эртеля тяжелой. Сложная внутренняя работа сместила его прежние представления, разрушила цельность его взглядов. Старые догмы народничества уже давно были подточены сомнением. «Не знаю отчего,— писал он,— но с самого Саратова я почувствовал, что я во власти новых каких-то мыслей, которые и прежде бывали у меня на дне души, которые и прежде вставали во мне, но прежде нерешительно, робко, смутно, тотчас же отступая и прячась». Теперь внутренний кризис уже невозможно было скрыть. «Да в чем же правда?» — спрашивал он себя, не находя ответа ¹.

Настало время тяжелых исканий. Перебирая теоретические положения народнического социализма и привычные, во многом наивные, не идущие дальше либеральной гуманности взгляды своей среды, Эртель пришел к мрачному выводу: «Жил я, думал ложно и ничего, ничего я не знаю и ничему, ничему не могу учить». В его жизни август 1883 года — пора глубоких сомнений и, прежде всего, сомнений в ценности собственного литературного творчества. Впервые появилась мысль оставить литературу: «Брошу писать, сброшу эту мишурную мантию учителя и уйду в деревню, займусь тихим, не звонким, маленьким и серым делом, буду читать, буду вникать в действительность...»².

А на другой день пришло сообщение о смерти Тургенева. Эртель был потрясен. «Ужасно расходились мои нервы,— говорит он в письме к М. В. Огарковой.— Я все время писал, писал о Тургеневе. Почему? Вот почему. Пришел домой, попалась газета: Тургенев, Тургенев... Напечатаны распоряжения о похоронах, список депутатий. Прочитал рассказ о последних минутах Тургенева, речь Абу, Ренана... И с какой же силой проснулась во мне жалость, Маруся! Не к человеку — что к человеку! Я едва знал его, но к писателю, который столько раз заставлял трепетать сердце, столько раз все существо мое переполнял сладкой и мучительной тоскою, столько раз звал куда-то „в звенящую даль“, столько раз поднимал из окружающей пошлости и грязи. И вот я пришел к себе в номер и прописал в нем до трех часов. Вышло слишком лирично»³. Этой ночью была написана статья, названная впоследствии «Из степи». Думая о Тургеневе и его произведениях, об общественной роли любимого писателя, Эртель искал свой путь в литературе. И под влиянием Тургенева писатель-народник нашел в себе силы преодолеть сомнения в общественном значении литературы вообще и своего собственного литературного труда. В то время, как Эртель пришел к отрицанию «юридических» обязанностей интеллигенции перед народом, смерть Тургенева напомнила ему о моральном долге писателя.

Нравственное потрясение, пережитое Эртелем, было не только отавуком разочарования в народничестве. Эртель был одним из тех, кого пробудили к жизни, подняли из «мерзостей житейских» произведения

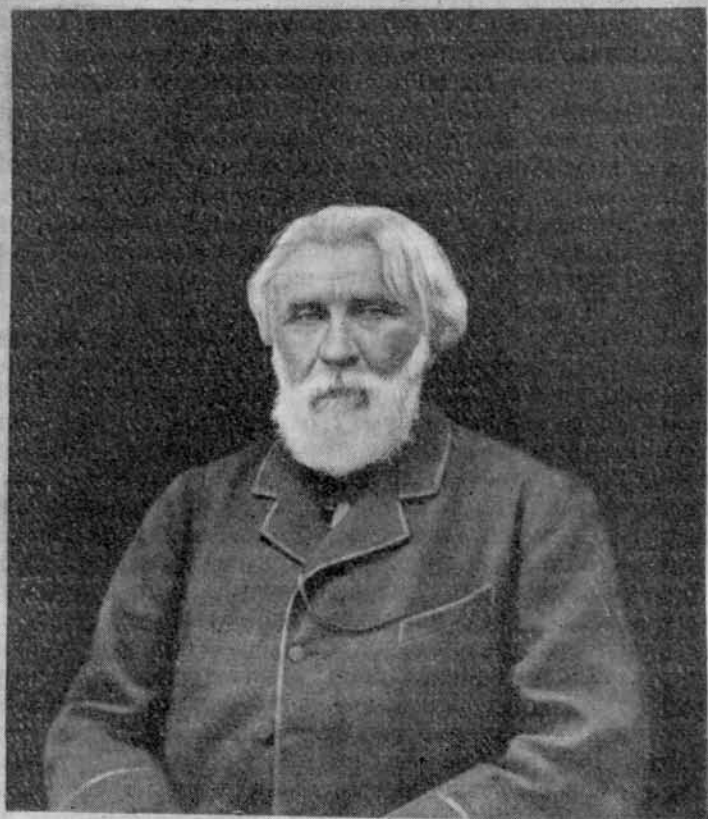
Тургенева. Девяти лет он впервые познакомился с рассказами великого писателя, в двенадцатилетнем возрасте зачитывался ими, предпочитая «Муму» романам ⁴. Влияние Тургенева оказалось очень сильным. Оно вызывало знакомые ассоциации, духовно обогащало, пробуждало литературный талант. «Записки степняка» Эртеля возникли под влиянием «Записок охотника». Эта литературная связь давно уже отмечена критикой. В обоих случаях перед нами цикл рассказов, объединенных образом внимательного, чуткого наблюдателя жизни. Есть много сходного у обоих писателей и в манере изображения человеческих характеров и в тонком чувстве природы. Хотя «Записки степняка» — создание другого времени, Эртель многим обязан своему литературному образцу.

Неудивительно, что в ноябре 1882 г. он писал: «Перед кумиром, в котором, начиная от внешности и кончая содержанием, все — гармония, я увлечение понимаю (я сам так относился к Тургеневу, когда первый раз увидел его)» ⁵. Эта встреча произошла в Петербурге в феврале 1880 г. благодаря стараниям Г. И. Успенского. Эртель был представлен Тургеневу у К. М. Сибирякова вместе с В. М. Гаршиным, С. Н. Кривенко, Н. С. Русановым, И. И. Ясинским и некоторыми другими литераторами. Позднее Эртель снова виделся с Тургеневым и беседовал с ним в тесном кружке писателей ⁶. Весной 1880 г., когда автор «Записок степняка» заболел чахоткой, Тургенев прислал к нему С. П. Боткина ⁷. Первые встречи и эта дружеская помощь произвели на Эртеля сильное впечатление.

Пример Тургенева, чья деятельность имела громадное общественное влияние, служил в глазах его молодого поклонника наглядным подтверждением распространенного в эти годы народнического представления о роли выдающейся личности в истории. «Человек устроен так, — писал Эртель в 1882 г., — что неминуемо должен прогрессировать в развитии. По большей части эта способность его атрофируется различными фактами, проистекающими в том числе и от плохого устройства так называемых социальных отношений. Только известная часть избранных во всей полноте вмещает в себе это провиденциальное назначение. Эта-то часть, обыкновенно уходящая в литературу и науку, несомненно ведет человечество. Это в истинном смысле слова интеллигенция. Другие более или менее стремятся приблизиться к этому типу. Для субъекта, понявшего вышеприведенную истину, счастье и жизнь понятны только как возможно широкое развитие и возможное приближение к типу. Типом, олицетворением типа, я бы назвал примеры Дарвина, Тургенева, Чернышевского. И человек тем счастливее, чем способность его бесконечно приближаться к типу разностороннее» ⁸. Примеры типов выдающихся деятелей, приведенные в этом рассуждении правоверного народника, очень характерны. Увлечение Дарвином он пережил в ранней юности и с тех пор сохранил к нему глубокое уважение. В Чернышевском Эртель видел одного из великих людей своего времени, а его знаменитую диссертацию рассматривал как важную ступень на пути от эстетики Белинского к современному взгляду на искусство. Однако наиболее близким сердцу Эртеля типом выдающейся личности был Тургенев: «В сущности Гете совершенно прав, полагая счастье в гармонии, то есть в одинаковом развитии всех способностей человека. Чувство должно идти рука об руку с разумом. <...> Спору нет, есть

... Времена, есть целые века,
в которых нет прекрасней,
желаннее тернового венка.

Но это очень печально и опять-таки болезненно. И во всяком случае нужно взвесить, что важнее для судеб прогресса — это ли гармоническое

ТУРГЕНЕВ

Фотография С. Л. Левицкого (?), Петербург, 1880 (?). С дарственной надписью: «Софье Карловне Корш от старинного приятеля на память. Ив. Тургенев. Москва, июнь 1881»

Собрание Н. А. Череминной (рожд. Корш), внучки С. К. Корш, Москва

развитие моих способностей или „терновый венец“. Если бы Николай Милютин или Тургенев, первый вместо деятельности государственного человека, а второй — писателя, надели на себя „терновые венки“ в качестве заурядных революционеров, был бы еще вопрос, справедливо ли они сделали. Чернышевский был одним из самых светлых умов, и его деятельность как практического революционера, приведшая его в Сибирь, именно есть результат того, что чувству, чувству „мести и печали“ он отдал преобладание, а Россия лишилась очень крупного мыслителя. Я не говорю, что нужно поступать по градусам, но утверждаю, что нужно стремиться к этому»⁹.

Все эти общие идеи имели реальный смысл. Жизненный путь Эртеля пролегал не так далеко от стези, по которой шли революционеры конца 70-х — начала 80-х годов. Эртель восхищался ими. С некоторыми из них был в близких отношениях и помогал им. Много лет спустя, размышляя о том, почему он все же остался в стороне от революционного подполья, Эртель писал: «Думаю теперь, что меня щадили эти милые и симпатичные люди»¹⁰.

Вряд ли, однако, это было только так. Его представления о все-сторонне развитой гармонической личности свидетельствуют о том, что Эртель уже в молодые годы был склонен предпочесть иную деятельность. В Тургеневе он видел олицетворение своего идеала, а мы хорошо знаем, как далек был Тургенев от направления Чернышевского и Добролюбова, которые не отделяли гармонию личности от «тернового венка».

Рассматривая идеи Эртеля, высказанные им в период духовного кризиса 80-х годов, современный читатель может отнести их за счет либерализма значительной части народнической интеллигенции, готовой отказаться от увлечений молодости, чтобы «поступать по градусам». Но это было бы неправильно. Нельзя забывать, что в лице Эртеля мы имеем дело с писателем, достаточно значительным по своему таланту. Предпочитая путь Тургенева, т. е. художественную литературу, «терновому венку», Эртель имел в виду другую форму служения той же цели, более соответствующую его личным наклонностям как тонкого наблюдателя жизни общества и природы. Громадное общественное влияние Тургенева доказывало в его глазах способность художественной литературы не только изображать народ, но и служить ему не хуже, чем служат народу люди революционного дела.

Эти взгляды Эртеля на литературную деятельность Тургенева тесно связаны с отношением народнической молодежи его времени к великому писателю. Они были своеобразным выражением примирения «отцов и детей». Эртель видел в Тургеневе предшественника народничества в литературе, писателя, который одним из первых открыл глаза на положение угнетенного крестьянства. Он отмечал, что Тургенев с юных лет воспитывался в «атмосфере народного вопроса»: в те времена Жорж Санд создавала образы французских крестьян, в Германии появились «Деревенские рассказы» Ауэрбаха. Русский мужик, угнетенный крепостным правом, имел, по мнению Эртеля, еще более важные основания стать в центре литературы. Говоря о произведениях Тургенева, Григоровича, Потехина и других, Эртель рисует картину литературного развития России с точки зрения основного вопроса русской жизни — уничтожения крепостничества. «Понятно, — утверждал он, — что все эти писатели знакомили общество с мужиком, руководясь идеей освобождения. А потому главным их старанием было привлечь к мужику симпатии общества, указать на его несчастья, на отвратительное влияние крепостного права. У талантов не особенно сильных выходило это до известной степени односторонне, и, кажется, один только Тургенев изобразил мужика не сочиненного, хотя оттенил неприглядные его стороны. Но как бы то ни было, плеяда народ-

ников 40-х годов совершила великое дело»¹¹. Этот обзор «народного вопроса» в русской литературе объясняет отношение Эртеля к Тургеневу, которое было достаточно восторженным даже в те времена, когда молодежь была готова простить Базарова автору «Отцов и детей». Даже в 1886 г., когда Эртель отошел от ортодоксальной трактовки «народного вопроса», он все же приводит в качестве примера «народнического» отношения к крестьянству ранние рассказы Тургенева¹².

Дальнейшие этапы творческого пути Тургенева Эртель рассматривал сквозь призму народнической теории. Произведения Тургенева являются для него важнейшей составной частью той демократической литературы, которая со времен Радищева формировала «научно-объективное» отношение к народу. Несмотря на реакцию последних лет царствования Николая I, сотрудники «Современника», в том числе и Тургенев, «несли достойно свою службу, насколько возможно делали свое дело». Отмечая влияние Чернышевского на творчество писателей этого времени, Эртель также упоминает и Тургенева. Даже произведение, вызвавшее столько споров, — «Отцы и дети» — Эртель считает верной картиной действительности и образ Базарова связывает с деятельностью Писарева. «Нигилист Базаров есть по преимуществу порождение „Русского слова“»¹³. Однако Эртель замечает, что «Базаров относится к мужику презрительно и свысока». Это, по его мнению, неверно, ибо «первые революционные брожения затеялись среди нигилистов, а между тем эти брожения имели в виду народное дело»¹⁴.

В публикуемой статье Эртеля читатель не найдет народнической терминологии. Здесь выражены новые мысли, которыми он был увлечен незадолго до смерти Тургенева. Эртель уже не пишет о «народническом» содержании его творчества. Напротив, тургеневское понимание прогресса он отделяет от понимания народнического. Но даже не в этом дело. Эртель освобождается от узко догматического отношения к литературному наследию Тургенева. Духовному возмужанию Эртеля мы обязаны интересной и эмоциональной статьей «Из степи», содержащей глубокую оценку творчества Тургенева.

Что же в нем получило признание Эртеля? Прежде всего поиски «правды», которыми проникнут художественный реализм Тургенева, т. е. высокая идейность его творчества. Но тургеневскую обостренную «отзывчивость на все светлое» Эртель воспринимал уже не как проявление «долга» народника, а более широко, как чувство патриота, связанного с судьбами родины. Теперь Тургенев не столько представитель народнической интеллигенции, сколько плоть самого народа. В его творчестве наиболее полно выразились национальные свойства, характер народа. И хотя у Тургенева «резкая и суровая энергия» не поднималась до того «пафоса», который звучит у Салтыкова-Щедрина или Льва Толстого, тем не менее она нашла в некоторых его романах и повестях отражение в той мере, в какой, по мнению Эртеля, она свойственна каждому русскому человеку. И то, что он услышал у Тургенева эти сурово и резко звучащие ноты, понятно. Ведь для него Тургенев — «писатель политический», который «безошибочно указывал основной тон» нашей общественной жизни, затрагивал важнейшие проблемы современности, раскрывал ее общественный смысл. И здесь Тургенев не отошел от правды, создав реальные картины эпохи. Поэтому его творчеству Эртель придавал историческое значение.

Великая заслуга Тургенева была, по мнению Эртеля, и в том, что идейные сдвиги в общественной жизни выражены им в судьбах типичных героев своего времени. Тургенев «скреплял нас с нашей родиной», с ее прошлым, настоящим и будущим. В чувство «привязанности к родине» он внес «разумность и сознание», он выразил наиболее полно «идею народности»

ХОРЬ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К ОЧЕРКУ «ХОРЬ И КАЛИНЫЧ»
Литография В. В. Князева, 1884
Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

и стал прямым наследником Пушкина. «Космополитизм», о котором в связи с этим упоминает Эртель, — это не отрицание патриотизма. Его проявление Эртель видел во всеобщем стремлении к «идеалу добра и справедливости». По мнению Эртеля, это стремление, это «святое беспокойство» пронизывало творчество Тургенева и ставило его в один ряд с такими мировыми писателями, как Шекспир, Пушкин и Шиллер.

В произведениях Тургенева Эртель особенно ценил картины идейной борьбы, которые помогали «разбираться в хаосе противоположных воздействий». По словам Эртеля, «будущий историк не обойдется без его сочинений», которые уясняют сложную и разнообразную действительность, «что имела место на Руси в промежуток сорока лет». По мнению Эртеля, высказанному в другом месте, Тургенев принадлежал к плеяде великих писателей, которые «не думали о системах, либо беспрестанно колебались между ними»: они лишь учили любить правду, бороться за свободу, понимать красоту, верить в могущество разума и нравственных чувств. Все это возникало в их произведениях бессознательно, в силу их дарования, непосредственно¹⁵.

Такое понимание идейных, нравственных основ творчества Тургенева во многом определило и литературный путь самого Эртеля. Стремление к высоким идеалам, далекому миру «правды», «добра» и «красоты», романтическая борьба со злом, духовная свобода, гуманность, уважение к разуму и, вместе с тем, благородное безумство — все эти оттенки «прекраснодушия», усвоенные из литературы 40-х годов, олицетворяет для него именно Тургенев.

Эртель восхищается литературным талантом Тургенева. У него он желает учиться живому восприятию действительности, тонкому проникновению в характер человека, спокойной, но восторженной любви к при-

роде. Не было для Эртеля лучшей оценки его произведений, чем признание близости их художественных достоинств мастерству Тургенева. В стихах и прозе тургеневская фраза влекла его, как музыка. Недаром, говоря о стихотворениях в прозе П. В. Засодимского, Эртель упрекал его в попытке соревноваться, несмотря на свой «вологодский акцент», с «музыкантом» Тургеневым. «У нас,— писал Эртель,— если и есть несомненный наследник этой тургеневской музыкальности, так это один В. Г. Короленко»¹⁶. Тонкая эмоциональность чувствуется и в статье «Из степи». Это увидел и сам автор, заметив, что вышло у него слишком «лирично».

Для Эртеля характерно глубокое проникновение в художественную ткань тургеневских произведений, к тем ее основам, которые раскрывают методы создания человеческих характеров. Ссылаясь на Тургенева, Эртель отрицал «списывание с натуры», хотя признавал, что совсем без портретной живописи в литературе обойтись нельзя. По его мнению, Тургенев и Толстой прибегали к зарисовкам с натуры, но брали «у живого лица только существенное, типическое»¹⁷. Не менее интересны и другие наблюдения Эртеля. Заметив, например, что в романах Тургенева любовь никогда не кончается счастливо, он пишет: «Великий мастер понимал, что для истинного человеческого и прочного счастья любовь должна возмужать, принять иную форму, видоизмениться, а если не может, то лучше ей погибнуть, нежели превратиться в пошлость и уродливость. Погибнув, она все-таки сохраняет поэтическую красоту, тогда как, застывши в своих первоначальных очертаниях, становится безобразием. По свойству своего таланта и ума Тургенев не хотел и не мог показать нормальный процесс любви, ее естественные видоизменения, ее переход из юности

КАЛИНЫЧ. ИЛЛЮСТРАЦИЯ
К ОЧЕРКУ «ХОРЬ И КАЛИНЫЧ»

Рисунок А. Ф. Чернышева, 1850-е годы

Литературный музей, Москва

в зрелость, он предпочитал кончать свои симфонии печальным недоумевающим аккордом»¹⁸.

Употребление Эртелем музыкальной терминологии в рассуждениях о романах Тургенева характерно. После прочтения тургеневских «симфоний» он невольно отдавался непосредственному чувству. «Как хороши последние страницы романа, сцена смерти!.. Мне даже жутко стало», — воскликнул Эртель, прочитав роман «Отцы и дети». Однако, изучая творчество Тургенева, Эртель не поддавался слепому чувству восторга. Он верно подмечал и неудачи любимого писателя. Перечитав «Отцов и детей», Эртель заметил, что Тургенев пересолил: «слишком уж натянут и накрахмален Базаров и слишком естествен». По этому же поводу Эртель сделал еще одно замечание: «Описывая отношения сына к матери и отцу, автор с поразительной ясностью представляет нам их только постольку, поскольку они выражаются в наружной форме, грубой и несимпатичной. Нужно было глубже заглянуть в душу Базарова, а не представлять его чурбаном...»¹⁹. Говоря о значении искренности в литературе, Эртель также вспоминает Тургенева: «Тургенев, несомненно, писатель с большим талантом, а посмотрите, до чего он не искренен, а следовательно и противен, ну хотя бы в „Мать“ (стихотворение в прозе) или в „Казни Тропмана“. По-моему, это один разврат»²⁰. Думается, что Эртель мог бы привести и еще несколько страниц Тургенева, которые звучали для него неискренно.

Тем не менее, для Эртеля Тургенев — вершина русского искусства. В 1899 г., закончив свой литературный путь, Эртель убеждал В. А. Гольцева в том, что романы Тургенева показывают истинную цену современных шедевров: «Ты возразишь, что нельзя же все мерить Тургеневым, а я скажу тебе, что если не мерить данное произведение тою мерою, которая достигнута истинными мастерами, то мы придем к совершенной ненужности какой-либо критики»²¹.

В свое время, когда были изданы письма Эртеля, читатель воспринял как неожиданное откровение богатую духовную жизнь этого незаурядного человека. Однако свет увидела только тенденциозно подобранная часть переписки писателя. С тех пор документы, воссоздающие творческий облик Эртеля, не публиковались. Статья «Из степи» проливает свет на формирование мировоззрения молодого писателя, она свидетельствует о глубоком влиянии Тургенева на внутренний мир литератора-народника. Если с нашей точки зрения оценки деятельности Тургенева в рассуждениях Эртеля нельзя признать безукоризненными, то с психологической стороны его искания понятны. Начало деятельности Эртеля падает на такие годы, когда неспособность народнического мировоззрения ответить на вопросы русского исторического развития уже не могла быть секретом для людей пронизательного ума и чистого сердца. Что же касается марксизма, то он оставался для Эртеля книгой за семью печатями. Формирование его как писателя прошло под знаком кризиса народнических идей, и единственным якорем спасения для него была русская художественная литература в лице таких ее классиков, как Тургенев и Толстой.

* * *

Статья «Из степи» печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ, в фонде А. И. Эртеля (ф. 349, п. 2, № 23). На первой странице под строкой — примечание автора: «Эта заметка частью была помещена в местной газете, но благодаря некоторым „местным“ условиям, общим однако же и всей провинциальной прессе, она подверглась в печати искажениям весьма солидного свойства»²².

ИЗ СТЕПИ

По поводу смерти И. С. Тургенева

Угрюмые тучи низко и медлительно ходят над нашими полями. Сыро, холодно, пронзительный осенний ветер играет с пожелтевшими листьями. Скучная жизнь, скучные люди... Сплетни, винт, жалобы на цены — на цены дешевые, на цены дорогие, бесполовая сумятица, если заглянуть внутрь, мертвая тишина, если посмотреть снаружи; ленивые толки о том, о сем как бы под лад с осенними дождями, тоже ленивыми и медлительными; вялые речи и тоскливые трюизмы...

Невеселое время.

Умер И. С. Тургенев... Я, как сквозь сон, помню благородное лицо его, обрамленное серебристыми волосами, лицо с пленительной улыбкой, с ласковым взглядом внимательных и глубоких глаз — лицо, теперь уже мертвое, холодное, лицо трупa. Помню его речь, привлекательную и живую, его огромную фигуру, его мягкие манеры, полные достоинства, эти манеры «путешествующего принца», как сам он выразился о Рудине...²³ Помню те ночи, когда с оплывшею свечою, взятой втихомолку от отца, зачитывался и плакал я над страницами «Муму», «Дворянского гнезда», «Дневника лишнего человека» и проникался благоговением к автору... Я помню всё... и теперь словно что близкое по крови оторвалось от меня и все существо мое переполнилось печалью.

Но что мои личные впечатления! Вся Россия, говорю, Россия хорошая, честная, интеллигентная, вся Россия жалеет о нем. И еще бы ей не жалеть: она схоронила Тургенева. Какое это страшное слово: схоронила Тургенева! Ведь это значит — угасла мысль вечно беспокойная, юная, сильная, вечно желавшая добра, жаждавшая правды... Ведь это значит — струны порвались, что «звенели на весь мир» о любви, о красоте, о человечности... Сколько душ было взволновано этими звуками! Сколько сердец билось и трепетало в беспокойном трепете под могучим влиянием этого писателя, этих его милых образов, этих картин, неотразимо заполнявших сладкой и меланхолической тоскою! Сколько честных порывов загоралось и какое подымалось омерзение к изолгавшейся суетне действительности благодаря этому влиянию... Посреди гнили и грязи, посреди глупостей и мерзостей житейских не одно существо перерождалось, читая Тургенева, сживаясь с миром его героев и героинь, с музыкой его речи, с его призывом вдаль, туда, где в яркой и заманчивой перспективе блещет неувядаемая красота и в благородной простоте возникают идеалы добра и правды.

И вот этого человека, этого-то «властителя дум» не стало. Странно было бы плакаться на судьбу за эту смерть. Судьба безжалостна, смерть не знает пощады. У них свои права, законность которых неоспорима, но человек тоже имеет свое право — правда, жалкое и обидное — право тоски и грусти. Это протест, быть может, более всего свойственный русскому человеку, это протест, выразителем которого именно в таком-то смысле был и Тургенев, создавший «Стихотворения в прозе» и «Довольно». И, быть может, никогда со времен Пушкина не хоромила Россия такого писателя, который соединял бы в себе самые характерные особенности русского человека. Тихая и мечтательная созерцательность, любовное отношение к людям и природе, чуткая отзывчивость на все светлое, что бьетса едва заметным биением под корою грубой и пошлой действительности, добродушная насмешливость, сострадательное проникновение в глубь и в средину человеческой души, какова бы она ни была и какому бы народу она ни принадлежала, а пуще всего эта грустная фатальность, это меланхолическое подчинение року — все было в этом человеке, представляя собою милую ему родину, и все разлито в его творениях мягким

и теплым колоритом. Правда, в этой гамме не звучала настойчивым звуком резкая и суровая энергия. Или, лучше сказать, в ней она не подымалась до того пафоса — выразимся любимым словом Белинского — как подымается в писаниях М. Е. Салтыкова и произведениях графа Льва Толстого, но в «Дыме» и «Бурмистре», в некоторых частных эпизодах «Нови» и в «Постоялом дворе» мы не ошибемся, если укажем и на эту струйку и, может быть, в той дозе, которая свойственна русскому типическому человеку: немножко энергии, а более всего опять-таки тихой тоски и грусти и меланхолической пронии.

Но на этом фоне, на этой милой и глубоко родственной канве последовательно появлялись фигуры, точно вежи, определявшие рост нашего общественного сознания. И в этом отношении Тургенев был по преимуществу писатель политический. С самой половины сороковых годов он, точно маяк, освещал нам нашу бурливую тьму и безошибочно указывал основной тон, преодолевающую ноту нашей общественной жизни. Будущий историк не обойдется без его сочинений. Все эти Пеночкины, Чулка-турины, Питасовы, Рудины, Базаровы, Неждановы, все эти Лизы, Аси, Елены из «Накануне», Марианны из «Нови» — все они, точно рефлекторы от сильной лампы, уяснят ему, этому будущему историку, ту кишашую недоразумениями толкотню, ту мутную и разнообразную действительность, что имела место на Руси в промежуток сорока лет.

Заслуга Тургенева — двойственная заслуга, и значение обеих ее сторон до крайности важно. Он облагораживал людей, не позволял им пострывать в тине, в грязи; он будил в них стремление к свету, к теплу, или, лучше поставить здесь старое, затасканное слово, — он будил в них стремление к идеалу, не давал останавливаться на сделках, на компромиссах, он напоминал о великой бесконечности, мысль о которой так присуща природе человека, но часто погребена в нем под хламом различных дрязг и мелочей, он внушал им то «святое беспокойство», без которого погиб бы мир. И этой своей заслугой он такой же «мировой» писатель, такой же «всечеловек», каким был и Шекспир, и Пушкин, и Шиллер, я здесь не говорю о силе таланта.

Но помимо этой своей заслуги, я бы сказал мировой, если бы слово не звучало так громко, он послужил и России, исключительно одной России. Рисуя типы, ведшига преодолевающую в данное время фигуру, он уяснял нам скрытые течения нашей общественной русской жизни, он содействовал построению нашего политического мирозерцания, он помогал нам разбираться в этом хаосе противоположных воздействий, одним словом, он указывал нам наше место среди безрассветной и стихийной толкотни, и этим своим указанием проникновенным как бы ослаблял царящую стихийность, вводя в нее элемент разумности, сознательной борьбы, инициативы. И для нас, для России, это, может быть, самая великая его заслуга.

Но она не исчерпывается этим показанием и руководством. В своих картинах быта, в чудных описаниях природы, наконец, в том элегическом колорите своих писаний, о котором мы выше уже говорили, он неотразимо скреплял нас с нашей родиной. И тут он приходил на подмогу простому непосредственному чувству своих читателей. Он возводил в перл это чувство. В этих особенностях его таланта родина наша — эти поля, луга, леса, этот простой и бесхитростный быт — являлись во всей силе своей сокровенной красоты и неотступно манили нас к себе, привязывали непобедимым очарованием...

Великое дело космополитизм, но не ему главная роль в нашем веке. Пусть идея этого космополитизма царит в области мысли и облагораживает человеческие стремления, возвышая их. Но как там ни толкуй и как ни притворяйся совершенным «всечеловеком», нужно признаться, что идея эта есть логическая категория. По крайней мере, до времени логическая

МИША. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ОЧЕРКУ
«ОТЧАЯННЫЙ» («ИЗ ВОСПОМИНА-
НИЙ СВОИХ И ЧУЖИХ»)

Гравюра неизвестного художника

«Огонек», 1882, № 4

категория. И в этом смысле я настаиваю на ее великой важности... Но не ей пока в плоть и кровь претворяться, как от века претворяется идея народности. И вот этой-то последней идее много послужил Тургенев. В этом он прямой наследник Пушкина. Как тот осмыслил простое органическое чувство привязанности к родине, так и Тургенев внес в это чувство элемент разумности и сознания. И поистине они не менее «собиратели земли Русской» нежели Иван Калита. Они связали и сплотили своими творениями интеллигенцию огромного народа более и действительней, чем сплотил Германию Бисмарк и К^о, и соединили ее не во имя «крови и железа», а опять-таки во имя любви и правды и лучезарной красоты, что, может быть, важнее правды.

Есть много мнений об идее народности и существует такое, что, де, идея эта не прогрессивна. Не место здесь оспаривать это мнение, но мы думаем, что каждый оценит его простым органическим чувством, как оценит, например, прелесть теплой комнаты в непогожую пору. И, разумеется, горько ошибается тот, кто думает, что Тургенев охулил бы эту «теплую комнату», а между тем он был горячий сторонник прогресса, понимая его в старом немного, пожалуй, и романтическом смысле, а не в нынешнем «научном».

И вот труп этого человека схоронила Россия. На Волковом кладбище, этом Вестминстерском аббатстве, этом Пантеоне русских, одним великим покойником больше и на Руси меньше одним горячим и чутким человеком, одним огромным мыслителем, ибо художник тот же мыслитель, одним замечательным поэтом...

Замолкли звуки дивных песен,
Не воротиться им опять.
Приют певца угрюм и тесен
И на устах его печать²⁴.

Что же «у людей недруги мрут, а у нас друзья умирают»²⁵, и нет им конца, этим умершим друзьям, а живущим... Да и не все ли равно, впрочем, в виду этой свежей могилы и этой монотонной жизни, похожей на могилу.

Сыро, холодно, пронзительный ветер с жалобным визгом бродит по застрехам... Скучная жизнь, скучные люди... Дождик точно слезы каплет, каплет... Солнце гаснет за мокрым туманом...

Так вот и Тургенев погас, наше милое солнце, и некому теперь веселить и печалить нас хорошей печалью, и не ворвется больше в нашу скорбную тьму этот живительный луч, ласковый и прекрасный, и никто с такой яркостью не осветит ее...

Спи же, великий слуга родного края, и пусть над тобою проходят золотые виденья, подобные тем, что снились тебе, когда ты мечтал «о хороших, о свежих розах», когда «деревня» вставала в твоём воображении²⁶, когда возникали перед тобой силуэты обаятельных твоих героинь... Спи, осененный любовью, незабываемый, бессмертный, поскольку можно быть бессмертным... * Спи, ты сослужил свою службу!

27 сентября²⁷. Ночь. Близ Воронежа.

А. Э р т е л ь

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Письмо к М. В. Огарковой от 22 августа 1883 г. — А. И. Э р т е л ь. Письма. М., 1909, стр. 42.

² Там же, стр. 43.

³ Письмо к М. В. Огарковой от 27 сентября 1883 г. — ЛБ, ф. 349, п. 6, № 14.

⁴ Письмо к М. М. Стасюлевичу от 3 июля 1891 г. — Там же, п. 4, № 25.

⁵ Письмо к М. В. Огарковой от 23 ноября 1882 г. — Там же, п. 6, № 13.

⁶ Письмо к В. Г. Черткову от 13 июля 1888 г. — А. Э р т е л ь. Письма, стр. 26.

⁷ Письмо к И. А. Эртелю от 22 марта 1880 г. — ЛБ, ф. 349, п. 7, № 14.

⁸ Письмо к М. В. Огарковой от 17 июля 1882 г. — Там же, п. 6, № 11.

⁹ Письмо к М. В. Огарковой от 19 ноября 1882 г. — Там же, № 13.

¹⁰ Письмо к В. Г. Черткову от 13 июля 1888 г. — А. Э р т е л ь. Письма, стр. 25.

¹¹ Письмо к М. В. Огарковой от 14 октября 1882 г. — ЛБ, ф. 349, п. 6, № 12.

¹² Там же, п. 3, № 5, л. 2 — статья «Народ и общество» (1886 г.).

¹³ Письмо к М. В. Огарковой от 20 ноября 1882 г. — Там же, п. 6, № 13.

¹⁴ Письмо к М. В. Огарковой от июня 1883 г. — Там же, № 14.

¹⁵ Письмо к Н. Я. Гроту от 4 апреля 1893 г. — Там же, п. 4, № 24.

¹⁶ Письмо к В. В. Огаркову от 2 января 1891 г. — Там же, п. 8, № 9, л. 29 об.

¹⁷ Письмо к Б. Д. Вострякову от 2 мая 1898 г. — Там же, л. 151.

¹⁸ Письмо к М. В. Милутиной от 6 октября 1897 г. — Там же, п. 4, № 24.

¹⁹ Письмо к М. В. Огарковой от июня 1883 г. — Там же, п. 6, № 14.

²⁰ Письмо к В. Н. Ладыженскому от 3 февраля 1890 г. — Там же, п. 5, № 21.

²¹ Письмо к В. А. Гольцеву от 21 октября 1899 г. — Там же, п. 8, № 2.

²² Статья Эртеля была опубликована в ростовской газете «Дон», 1883, № 107, 2 октября, за подписью: Н. Помимо мелкой правки, следы которой обнаруживаются во многих местах статьи, редакция газеты внесла в ее текст ряд более существенных изменений, которые и имеет в виду Эртель в своем примечании. Часть из них была вызвана, по-видимому, цензурными соображениями (замена определения «писатель политический» на «писатель общественный», исключение упоминаний о «протесте», «сознательной борьбе» и т. п.; изъятие резких оценок современной русской действительности: «изолавишаяся», «наша бурливая тьма», «мутная» и т. д.). Сокращению подверглись также многие фразы и абзацы, в которых Эртель выражал свое личное отношение к Тургеневу и его творчеству. Можно думать, что вследствие этих искажений Эртель не подписал статью своей фамилией.

²³ См. в «Рудине»: «Я вижу фортепьяно, — начал Рудин мягко и ласково, как путешественный принц, — не вы ли играете на нем?».

²⁴ М. Ю. Лермонтов. Смерть поэта. Цитата приведена неточно.

²⁵ Эртель неточно цитирует заключительное двустопие из стихотворения Некрасова «Не рыдай так безумно над ним...» (1868), написанного на смерть Д. И. Писарева. В этом двустопии Некрасов использовал русскую народную пословицу.

²⁶ См. стихотворения в прозе «Как хороши, как свежи были розы...» и «Деревня» (VIII, 501—502 и 455—457).

²⁷ В рукописи ошибочно написано — 27 октября. Дата статьи, указанная в газете «Дон», — 27 сентября — подтверждается Эртелем в письме от этого числа к М. В. Огарковой (ЛБ, ф. 349, п. 6, № 14).

* Далее зачеркнуто: Ты взял все, что мог взять, и отдал все, что в силах был отдать.